

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Н. Алексеев

ПЕРЕПЁЛКА

ДЕТГИЗ ~ 1958

К Н И Г А З А К Н И Г О И

Н. АЛЕКСЕЕВ

ПЕРЕПЁЛКА

Рисунки В. Горячева

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1958

Охота! Сколько радости и спортивного азарта испытывал всякий, кто хоть однажды с ружьём в руках, пробираясь в лесных чащах или в кустарниках по берегам озёр, «скрадывал» дичь! Но не всегда ожидает охотника удача. Нередко ему приходится и спасать животных — и, кто знает, не больше ли радости испытывает при этом охотник!

Вот о такой радостной «неудаче», когда была подобрана и выхожена маленькая перепёлка, и рассказывает книга Никандра Алексеева «Перепёлка».

ТОГДА ШУМЕЛА ЛИСТВА

Фингал как будто дремлет на полу, положив голову на лапы. Распушённый хвост лаверака лежит неподвижно. А ведь движениями хвоста пёс выражает и свою радость — молотит им воздух, и неприятность — низко опускает его.

Из машинки, привинченной к краю стола, я беру закрученный патрон и ставлю на подоконник. Следом за моей рукой с патроном поворачиваются глаза Фингала. Нет, не дремлет. Наблюдательный пёс по опыту знает, что зарядка патронов предшествует чудесной прогулке по кустарникам, полям и берёзовым перелескам.

Правда, случается — и после зарядки патронов

Фингал остаётся дома, а хозяин, захватив деревянных уток, один исчезает на сутки, а то и больше.

Почему хозяин не берёт свою собаку на утиную охоту? Плыть она может, как заправский пловец. Белую одежду загрязнит на болоте? Ну что ж, отмочет. Поплавать по чистой воде и отмочет. Вода и грязь не помеха.

Нет, не поэтому я не беру Фингала, когда отправляюсь на болота за утками. Задача птичьей собаки — стоять или лежать возле обнаруженной дичи. Тетерева, куропатки, перепела, дупель, бекасы — все эти птицы останавливаются, затаиваются при виде собаки. И пёс осторожничает, делает вид, что не чует дичи, и стоит, не шевелясь, пока не придёт охотник и не скажет:

— Вперёд! Пусть взлетают, стрелять будем...

А утка, увидев собаку, не хочет сидеть. Она уплывает или убегает. Вот почему я не беру Фингала на уток.

Не беспокоит ли моего лохматого друга и сегодня дума: а вдруг придётся опять оставаться дома, слоняться из угла в угол, поджавши хвост.

Нет, если хвост и лежит, как лохматый меховой чулок, то глаза моего друга — живут, светятся...

Значит, Фингал чувствует, что я возьму его с собой.

Готовя ружьё к завтрашним выстрелам, я решил освободить каналы стволов от обильной смазки. При виде ружья Фингал вскочил и, поставив передние лапы мне на грудь, а голову вежливо повернув влево, три раза пробасил:

— Гав, гав, гав!

— Возьму! — ответил я.

Жена с шестилетней дочкой Леночкой ушла к соседям, в квартире, кроме меня с Фингалом, — никого. И я докладывал ему:

— Видишь ли, сейчас вторая половина сентября — тетерев тебя не подпустит, улетит. Ты не встанешь на стойку: трава поредела, посохла и шелестит, как сено сухое, — раз, крыло стало упругим, словно пружина, — два! Тетерев не хочет прятаться. Он теперь больше верит крылу — оглушительному взрыву взлёта...

Фингал в знак согласия так ударяет хвостом, что поднятый косым лучом заката золотистый столб пыли шевелится, и внутри него прыгают золотинки.

Я продолжаю:

— А вот перепёлок и куропаток найдём.

Пёс метнулся к двери, но не залаял — значит, не чужой идёт. Вошёл мой сосед, девятиклассник Коля.

Ничего охотничьего Фингал не заметил у молодого человека: ни ружья, ни патронташа, ни фляги. И потому с полным равнодушием к гостю снова растянулся на полу.

Но Колю привела ко мне тоже охотничья страсть. Ему наговорили друзья о начале полёта северной утки — дичи, ожиревшей в спокойствии северных болот, не доступных для ноги охотника.

— Патроны на воскресенье и уроки на понедельник приготовлены, — поспешил меня уверить Коля. — На уток пойдём, Лексеич?

— Болотом, тиной пахнет эта дичь, — улыбнулся я. — И, кроме того, уже дано слово Фингалу пойти на охоту за перепёлками.

— Слова нельзя нарушить?

— Это было бы нечестно, — сказал я серьёзно.

Золотистые лучи солнца ушли из нашей комнаты, и сумерки заняли все углы дома.

— Лексеич! — И мне почувствовалась в голосе теплота молодого охотничьего сердца. — Кто с вами ещё идёт?

— Никто. Мы вдвоём.

— А с кем вы разговаривали, когда я входил?

— С ним, с моим помощником, — ответил я.

— А меня возьмёте с собой?

Я только предупредил:

— Надо точно стрелять... Фингал не любит мазни, и сам не мажет. У него нет ложных стоек, у тебя не должно быть пустых выстрелов.

Мы условились выйти в пять утра с таким расчётом, чтобы к семи часам, перейдя пять глубоких логов, скомандовать Фингалу: «Вперёд!»

Пришли жена с дочкой. Фингал встретил их в дверях и снова растянулся на полу.

Леночка села, как на сиденье мягкого стула, на широкую спину Фингала. Пёс в знак дружбы возобновил удары хвостом.

— Принеси мне перепёлочку! — И, прежде чем уйти на зов мамы из соседней комнаты, спросила: — Принесёшь? Да?

Великолепные места! Овсище, гречишник — поля, прерываемые невысокими, ещё совсем зелёными берёзовыми перелесками. И только осинки, покрасив свою листву под бронзу, уже торжественно встречали осень.

Непонятно, куда девались эти полевые курочки — плотные рябенькие куропатки и перепёлки? Если пе-

репёлок пугнули в тёплую сторону наши инистые утренники, то куропатке не страшны наши большие зимы, у неё в снегу тёплый дом — глубокая прямая нора. Куропатка — птица не перелётная.

Снуя вкривь и вкось, Фингал старательно обыскал хорошие километры овсяного жнивья. Он ходил во весь мах поперёк нашего пути: туда и обратно, как ходит челнок в нитяных основах в ткацком станке.

Коля остановился, удивлённый:

— Впервые вижу челноковый поиск птичной собаки. Это вы его обучили?

— Его обучил опыт. Опыт родителей, опыт предков.

— Замечательно! — вырвалось у Коли.

— Ещё замечательнее другое: поле, где прошёл Фингал, считается мёртвым.

— Мёртвым? — И Коля почесал в затылке.

Я заметил его движение и объяснил:

— Если собака не встала на стойку — значит, на этом поле нет ни перепёлки, ни куропатки, ни тетерева.

— Хочу посмотреть стойку, — сказал Коля.

Сентябрь долистывает последние страницы своего календаря, а сегодня, извольте — плащи в сетку и кепки долой, — такая теплынь даже утром. Я посмотрел на зелёную листву перелесков и в душе похвалил берёзки за то, что они не спешили позолотиться. Они, наверно, чувствовали, что лето ещё не закончилось.

Вдруг Коля шепнул:

— Смотрите!

— Ну?

— Смотрите, смотрите!

И он стволом автоматического ружья указал на

холм межевого знака. Возле холма виднелось что-то белое, вроде снега. В начале весны это белое можно было действительно принять за полоску снега. Но это был Фингал на стойке. Крутой поворот головы изогнул весь корпус собаки. Внезапно ударивший запах заставил окаменеть Фингала при повороте головы вправо, когда нос его касался земли. Какую же твёрдую, веками укоренившуюся привычку надо иметь, чтобы подавить бушующую страсть и застыть рядом с дичью.

— Это и есть стойка? — спросил Коля.

Снимая бескурковку, я кивнул головой.

— Кто там?

— Перепёлка, наверно... — ответил я.

— А может быть, куропатка?

— На куропаток Фингал держит голову высоко, торжественно, — сказал я тоном учителя.

Мы подошли. Коля уже знал из моих рассказов, что мне не однажды случалось брать перепёлку руками из-под самого носа собаки, накрывая своей кепкой маленький серенький комочек.

Поэтому он предлагает:

— Разрешите, я её возьму живьём. Леночке в подарок.

Я повесил ружьё на плечо, давая понять, что стрелять не намерен, и сказал:

— Дичь первой стойки твоя.

И Коля, освобождая руки, тоже повесил ружьё на плечо. Чтобы получше рассмотреть, где затаилась эта маленькая птичка, он встал на колени рядом с собакой.

— Две стойки! — шутливо заметил я.

Коля не ответил на шутку. Он замер подобно Фингалу.

Я тоже опустился на колени.

— Нелегко увидеть, — прошептал я. — Траву нельзя пошевелить — улетит перепёлка.

Трава была высокая и довольно густая для сентября. И когда мой юный следопыт на всякий случай приготовился накрыть птичку, мне показалось, что против кисти его занесённой руки под струёй низового ветерка зашевелилась пушинка.

— Коля, руку немного к себе! — прошептал я. — Так, так... ещё немного. Накрывай!

И Коля накрыл. Но что произошло? Что-то быстрое, серое метнулось из травы возле самого носа моего товарища.

Я вскочил. И сразу всё объяснилось. За птичьи пёрышки или пушинки были приняты шерстинки ещё серого, не вылинявшего беляка. Эту «перепёлку» не крылья, а ноги уносили по яркой зелени клеверной отавы мимо перелеска в сторону седьмого лога. Уши, прямые и длинные, как рога, то прижимались к спине,

то разом прыгали, как будто их выбрасывали какие-то пружины.

А что стало с моей собакой, которая знала только крылатую дичь и никогда не видала зайца! Фингал забыл одно из твёрдых правил охотничьей собаки — лежать при взлёте. Это качество по наследству не передаётся. Охотник должен много потрудиться, чтобы выработать у питомца потребность лечь немедленно там, где он стоит, лечь при первом звуке взлёта. В это время пёс испытывает два чувства: одно, созданное столетней охотничьей практикой, — терпеливо стоять около затаившейся дичи, другое — стремление всех собак схватить, поймать, догнать. Птичную собаку считают испорченной, если она бежит за улетающей птицей.

Мой пёс иногда подавал мне поодиночке целый десяток тетеревов. Было десять взлётов, и Фингал десять раз ложился. Ни одна птица не взлетала, если я не был готов к выстрелу.

Но раз он побежал за этим серым, смешным зверьком, то, пожалуй, побежит и за птицей...

А Фингал мчался, как лопухий щенок: правое ухо вывернулось наизнанку и закинулось на затылок, а левое болталось, как конец размоченной сыромятины.

— Это же позор! Позор! Бежать за зайцем! Шкуру долой с такой подружейной собаки! — возмущался я.

Овладев собою, я обратился к магическому свистку. Один, всего один протяжный свист положил Фингала. Он помнил дрессировку!

Придя в себя от неожиданного происшествия, Коля встал и сразу же спросил:

— Заяц тоже дрессированный?

Заяц действительно сидел, но сидел, как на горячих угольках, нервно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Уши продолжали то одновременно, то поочерёдно прыгать: они старались определить место, откуда донёсся свист, определить направление опасности. Но свист не повторялся, и заяц пустился наутёк. И так как уши плотно прижались к спине и сам он весь так приник к земле, что ног его не было видно, он сделался похожим на серый ком, который стремительно катился мимо перелеска.

Хотелось крикнуть, поддать ещё больше жару этому трусливому зверьку, которого бросает в дрожь самый малый шорох — даже шорох падающего листа.

Грудь Коли уже поднялась, он сделал большой вдох для громкого крика. Но я строго остановил:

— Нельзя нервировать Фингала.

Коля только выдохнул. Досаду он выразил тем, что носком сапога принялся сшибать стволы полыни, растучневшей на бросовой почве межевого знака.

— Так распространяются сорняки... Надо было выжечь эту траву своевременно, — отчитывал кого-то юный охотник.

Я взял Фингала на поводок, не сказав ему ни одного тёплого слова, и мы пошли к берёзовому перелеску.

Там будет наш привал.

Оглядывая берёзки, а за ними кустики, сбегаящие по склону вниз, к логу, Коля спросил:

— Почему бы зайцу не лежать в таких уютных местах? Кто его погнал в поле, в небольшой кустик травы?

Я попросил товарища прислушаться:

— Слышишь?

— Что?

— Шорохи.

— Это лист падает.

— Ну, вот этот маленький листик и гонит зайца туда, где нет шорохов.

Спустив с поводка Фингала и приказав ему «лежать», я бросил мой заплечный мешок и сетку на траву в светлую тень редких берёзок, мои ноги как-то сами собой подогнулись, и я опустился на тёплую гостеприимную землю.

А Коля вытащил из кармана круглую розовую картофелину. Он подобрал несколько штук на недокопанном поле. Сам подбросил картофелину и сам выстрелил. Она раздробилась в воздухе на мелкие частицы.

Он любовно посмотрел на мою бескурковку. И я предложил:

— Коля, хочешь сделать дуплет из моего ружья?

— А если промажу?

— А что ж ты думаешь — я всегда попадаю?

Словно лаская, он несколько раз провёл рукой по стволам бескурковки, как конюх проводит рукой по холке или спине любимого коня... Вытащил из кармана ещё две средние картофелины и молча протянул их мне. Я швырнул их поодиночке в разные стороны. Коля выстрелил. Красные картофелины раздробились в воздухе на белые части.

Я невольно вскрикнул:

— Здорово! — И это было лучшей похвалой для охотника.

Я посоветовал Коле отдохнуть, приберечь свои силы. Пусть не получилось никакого толку от утренней зари. Путь до заката ещё большой, нашим ногам

долго придётся его измерять. Предполуденное солнце усиливало небывалую для сентября теплынь. Фингал учащённо дышал.

Коля опустился рядом со мною на брезентовый плащ.

...Воздух прозрачен и тих. И набежавший из-за седьмого лога ветерок шевельнул сразу всей листвою перелеска, листва, как несметная птичья стая, немедленно подняла шелестящий гомон. Отдельные листики, как птички, перелетали с ветвей одной берёзки на ветви другой и потом, словно в поисках корма, медленно спускались в кустарник, на буйную зелень отавы — молодой травы осени.

— Хорошо, — сказал Коля и посмотрел на меня дремлющими глазами.

Он дремал, сидя, как-то удобно положив на колени голову, на которую была наброшена кепка козырьком в сторону.

— О чём это ты, Коля? — спросил я.

Он не ответил.

Я хотел поправить его кепку, чтобы козырьком прикрыть его глаза от солнца, но, видно, не выполнил своего намерения...

Проснувшись, я заметил, что козырёк Колиной кепки смотрел по-прежнему в сторону.

Полдненное солнце сквозь дрожащую листву перелеска наводило на обветренное загорелое лицо Коли быстрых зайчиков, и рука спящего напрасно старалась смахнуть их, как смахивают назойливую осеннюю муху.

Фингал ещё шире раскрыл пасть и всё громче и громче дышал. Питья у нас не было. До ручья, бродившего по днищу седьмого лога, было недалеко.

Когда листва приостанавливала свой шелест, сюда, навверх, доносилось его журчанье.

Фингал, чувствуя воду, просил разрешения отправиться к ручью. Вот пёс приподнял голову, вытянул переднюю правую ногу, чтобы опереться, но не решается её поставить: не знает, как на это посмотрит хозяин.

Ноздри собаки, как мне показалось, втягивали тонкую струйку испарений. Ноздри шевелились, подёргивались, дрожали. У меня тоже во рту пересохло. И мой товарищ не откажется от родниковой воды.

Как ни хорош был Колин сон, я решил его нарушить.

Мы пошли тем кратчайшим путём, который указывался энергичной потяжкой — вытянутой головой идущего рядом Фингала. Срезали угол овсища и перепрыгнули через канаву, обрастающую берёзками. За разговором быстро таяло расстояние, отделяющее нас от зелёного влажного берега. Молодой охотник громко смеялся, вспомнив зайца — эту длинноухую «перепёлку», удиравшую от нас на своих четырех.

— А Фингал-то, Фингал, — начал было Коля и, не видя рядом собаки, оборвал фразу, оглянулся и спросил удивлённо: — Где Фингал?

Два коротких резких свистка — приказ немедленно явиться к хозяину — не достигли цели.

— Как сквозь землю провалился, — досадовал Коля.

Он снял кепку и, вытирая платком лоб, сказал:

— Бухнулся наш распалённый пёс в прохладную тень какого-нибудь куста.

Это предположение заставило нас вернуться назад на поиски Фингала.

Я пошёл вдоль канавы влево, Коля направился вправо.

Мне сегодня очень не нравилось поведение моего лаверака: за «косым» пустился в погоню, как совершенно безграмотный в охотничьем деле, а сейчас учинил самовольную отлучку. Три поля работал без замечаний, и вот, извольте — сбился с панталыку.

Коля радостно известил:

— Нашлась потеряшка.

Фингал забрался в кустарник на дне канавы. Он перестал громко дышать, как будто жара прошла. Такую перемену в собаке Коля объяснил переутомлением и потому вытащил её на овсище:

— Жарко... Разомлел пёс.

— Не заболел ли?

Но холодный нос — показатель здорового состояния. В чём дело? Может быть, Фингал был на стойке? Чтобы разрешить сомнения, надо было понаблюдать за поведением Фингала, надо было дать ему полную свободу.

— Хочешь, иди туда, где лежал.

И что же? Распрямив хвост и вытянув его, как палку, Фингал осторожно спустился в канаву, пригнулся и замер...

— Стойка! Вот так штука! — сказал я, снимая ружьё с плеча.

Коля не торопился.

— Опять заяц! — махнул он рукой.

Сентябрьский заяц лохматый, как старая рукавица. Его называют «невыходным», и охота на него в это время считается браконьерством.

Мне не хотелось ещё раз встречаться с зайцем по другим причинам. Мне думалось, что прыгающий

заяц соблазняет собаку прыгнуть вслед за ним. Значит, она потеряет выдержку — самое ценное качество подружейной собаки.

Но я успокаивал себя. Осенью косой делает свои петли и скидки чаще перед рассветом и реже, когда рассвет начинает чуть-чуть брезжить. До дневной поры на сухих и высоких местах, где свободно гуляет ветер, запахи исчезают совсем или становятся настолько слабыми, что собака к следам не хочет прихиваться.

За три года моих полевых охот Фингал сделал всего первую стойку на зайца и, думаю — не скоро делает вторую.

Именно по этим соображениям я решительно возразил Коле:

— Не заяц!

— Но кто же?

В конце сентября тетерев не позволит приблизиться к себе ни человеку, ни собаке — улетит. Значит, тетерев исключается.

Серые куропатки? Да. На них собака встанет на стойку, но до стойки они побегают, поводят и собаку и охотника. А тут пёс взял с места.

По внезапности стойки и по характеру местности оставалось предполагать, что Фингал нашёл маленькую полевую курочку, и я ответил Коле:

— Пе-ре-пёл-ка!

Но в глубине души у меня не было полной уверенности: для перепёлки Фингал слишком пригибался, слишком осторожничал. Я хотел сказать это Коле, но неожиданно раздался сухой треск или, вернее, — металлический стук взлёта. Так начинает стучать включённый мотор.

Взлетел тетерев — старый, краснобровый черныш, чёрный, как головешка. Я быстро поставил бескурковку в плечо, уже хотел нажать на спуск, но большая птица скрылась за краем берега начинающегося лога.

— Ушёл без выстрела, — сказал Коля услышанную от охотников и понравившуюся ему фразу.

А я-то утверждал, что тетерев в конце сентября не пустит близко ни собаку, ни охотника! Было так обидно, я так был взволнован случившимся, что не сразу заметил продолжающейся стойки Фингала. Заметив её, я вскинул ружьё и негромко произнёс:

— Неужели ещё!

Коля вкрадчиво высказал догадку:

— Большая птица, много запаха оставила... Это запах улетевшего тетерева...

— Птица есть, — зная свою собаку, сказал я с такой уверенностью, что Коля тоже поспешил взяться за ружьё.

И ещё один черныш с таким же металлическим треском взметнулся вверх.

Картина шумного взлёта краснобровой птицы навстречу лучам, хотя и полдневного, но косо́го осеннего солнца, захватила дух. Но радость оказалась кратковременной.

Моё ружьё было послушно мне много лет, оно было для меня почти живым существом. Не раз я ловил себя на разговоре со своим стальным комлатым другом — со своей бескурковкой. После удачного выстрела я говорил ей:

— Точная работа! Делаешь не в службу, а в дружбу.

Моё плечо никогда не чувствовало тяжести ружья. В лесу, в поле, на широких весенних разливах оно до-

полняло меня. В его стволах были постоянно заготовлены два грома — два моих повелительных голоса.

И сегодня оно впервые мне отказало. Я даже не услышал щёлка внутренних спрятанных курочков. А тетерева продолжали взлетать. Их было около десятка.

Обращаясь к Фингалу, я сказал:

— Так-то, друг, ты хороший пёс. А я — хуже щенка лопаухого.

Приставив ладонь к своему правому уху и как бы удлинняя его, добавил:

— Да, хуже такого лопаухого... Все улетели!

А Коля? Какая редкая возможность представлялась ему испробовать свои силы по матёрым чернышам. Надолго хватило бы рассказов о том, как упали

один за другим пять петухов в новом поворонённом пере, пять тяжёлых, краснобровых.

Но и у Коли вышла заминка: изношенный, побывавший на мокрой охоте бумажный патрон, с трудом вложенный в патронник, дал осечку.

Но что же случилось с моим ружьём? Я раскрыл его, и выбрасыватели, сухо щёлкнув, вытолкнули пустые гильзы.

Всё объяснилось. Вспомнился недавний привал и стрельба по картошке. Из ружья стреляли, но ружьё не зарядили. И я наводил в тетерева незаряженную, лишённую на этот раз голоса бескурковку.

Горечь от ошибки выветривалась. Коля напомнил:

— А вы говорили, что в конце сентября тетерев не будет ждать, пока собака выследит и встанет, указывая направление носом. Вот они сидели.

— Видно, сегодняшняя высокая температура, необычная для конца сентября, изменила поведение птиц.

— Значит, не всё потеряно, — обрадовался Коля, — до вечера ещё найдём.

— Напрасные надежды. Это было в полдень — в самую жаркую часть сегодняшнего дня. А к вечеру похолодает. Тетерева не пустят.

Отказавшись от соблазнительного отдыха на берегу ручья, мы направились к дому.

Коля наполнил флягу ключевой водой, а я, взмахнув рукой по направлению к городу, командовал Фингалу:

— Вперёд!

Возвращаясь, мы с трудом преодолели шесть глубоких логов. Утром подъёмы не казались крутыми,

А сейчас они стали для нас намного круче. Усталость усиливалась сознанием, что охотничьи сетки пусты. Преодолев крутизну последнего лога, мы увидели табунок тетеревов. Они открыто паслись на гречишном поле, но, заметив нас, взлетели, хотя расстояние до нас было не менее пяти выстрелов. Коля отметил:

— Вы правы.

Выйдя на шоссе, Коля глубоко вздохнул:

— У-ух, ноги не хотят идти. Хорошо устал, — сказал он, усаживаясь на бережок канавы на обочине дороги.

Я не замедлил последовать его примеру.

У наших ног в сухой канаве положил голову на лапы Фингал.

— Удивительно! — звенел голос товарища.

— Что, закат удивительный? — спросил я.

— Смотрите сюда! — Он протянул руку к Фингалу. Из его пасти высунулись серенькие шевелящиеся пёрышки — это было крылышко.

Я приказал Фингалу освободить птичку, и она побежала вдоль канавы, волоча правое крылышко.

Коля поймал её и объявил торжествующе:

— Перепёлка! Это подарок для Леночки! — И он провёл рукой по косматой трёхцветной шерсти лаверака.

Обласканный пёс отправился к телеграфному столбу и возвратился оттуда с другой, но неживой перепёлкой.

Коля недоумевал:

— Почему? Отчего?

Я десятки раз находил под телеграфными проводами разбившихся насмерть перепёлок. Губит их прямой, как пуля, и быстрый полёт. Перепёлка даже

днём может врезаться в провод, не успев изменить линию направления.

Вместо объяснения я задал Коле несколько вопросов. И он ответил прямо, как отвечают на экзамене:

— Перепёлка — птица перелётная. Отлетает в тёплые края осенью и прилетает к нам весной.

— Отлёт и прилёт идёт ночью.

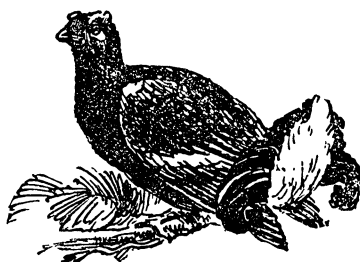
— Теперь ясно. Одна перепёлка разбилась насмерть, другая — поранила крылышки. Однако, почему другие перелётные птицы не разбиваются.

Я поведал любознательному товарищу, что утиные, гусиные и других птиц перелёты проходят на больших высотах, выше сети проводов. Чем крупнее птица, тем на большей высоте она перелетает...

Тьма осеннего вечера, окружавшая нас в поле, закончилась. По улицам, залитым электрическим светом, хорошо идти...

Встречные горожане скользили взглядами по нашим порожним охотничьим сеткам.

И всё-таки на душе было бодро, радостно.

ПЕРЕПЁЛКА

В столовой на диване каждый вечер появлялось новое слово. Оно было составлено из чёрных букв, нарисованных на больших квадратах фанеры. В честь каждой новой буквы составлялось какое-нибудь слово: тётя, мама, папа, Фингал. Перед тем, как отправиться в постель, Леночка составляла слово, просила его прочесть и ставила на диван рядом с небольшим домиком, построенным из кубиков. Новое слово с новой буквой жило на диване с вечера до утра. Утренняя игра сначала разрушала домик, а потом, подобно домику, рассыпала слово.

Мы возвратились домой поздно. Я вспомнил о времени, только войдя в столовую и прочитав новое слово:

— «Перепёлка».

Составленное слово говорило о том, что время позднее и Леночка в постели. Девочка просила принести ей живую перепёлку. Косматый, пятнистый друг Фингал выполнил заказ.

Я опустил руку в мою охотничью сумку и на дне её, в уголке, нащупал тёпленький комочек.

— Жива!

В моём кабинете, на полу, птичке насыпали на ужин несколько крупинок пшена. Освобождённая из непроглядной тьмы охотничьей сумки, перепёлка даже не пыталась бежать.

Но вот дверь скрипнула. На цыпочках, неслышными шажками вошла Леночка. Из соседней комнаты она расслышала мои слова о живой перепёлке. И сон прощай.

Вчера при закрутке патронов я уронил абажур. Часть осколков успела уже попасть в игрушечное имущество. Электрическая лампочка без абажура светила резким ярким светом. Перепёлка стояла бочком к светилу в шестьдесят свечей. Мы заметили — птичка уже не однажды направляла свой левый глаз на него. Леночка сказала полушёпотом:

— Лампочка ей кажется солнышком.

— Очень маленькое солнышко, — заметил я.

— Игрушечное солнышко.

— А комната?

— Комната... комната... Ну, чем может быть комната? Знаю... Игрушечным полем — вот чем. Просо растёт в поле.

Птичка быстро освоилась и начала подбирать желтоватые крупинки пшена.

— Помнишь, мы были на даче — вечером пели перепёлки. А наша не поёт, нет? Почему не поёт?

— Видишь, птичка тащит своё крылышко, оно болит. А во время болезни не поют...

— Правда... Мама, дай мне, пожалуйста, йод и бинт... Я буду лечить птичку. Папа! Скажи, что делают во время болезни? Плачут, да?

Предвидя новый вопрос: «Почему наша перепёлочка не плачет, если у неё болит крылышко?», я решил ответить так:

— Когда очень больно, слабые дети плачут.

Леночка пристально посмотрела мне в глаза и сказала с гордостью:

— Нашей перепёлочке больно, но она не плачет.

Мой кабинет превратился в лечебницу. На письменном столе — вата, бинт, йод, спирт.

Крылышко не сломано. Семейная медицинская комиссия пришла к выводу, что мы имеем дело с простым ушибом. Окрашенная кровью часть крылышка была смазана йодом, и больше больная ни в какой медицинской помощи не нуждалась. Леночка всё-таки перевязала крылышко бинтиком снежной белизны.

— Настоящая птичка, а похожа на игрушечную,— воскликнула Леночка, когда перепёлка с большой белиной на правой стороне побежала по полу.

Нашей жилище как будто понравилась новая квартира: чисто, тепло, и если нет тут росы или ручейка, зато есть водичка на блюдечке, хватит для питья, есть еда и есть постель — сухое сено на дне небольшой корзинки, куда до сих пор складывались мелкие игрушки.

В корзинке перепёлка окончательно присмирела.

— Спать пора — час поздний. — И Леночка пер-

вая на цыпочках вышла из комнаты. Мы тоже на цыпочках последовали её примеру.

...Фингал обыкновенно спокойно лежал на полу в столовой. Он любил дремать, закрыв глаза и положив на лапы свою большую голову, продолговатую, как дыня. Но в это утро он лишился покоя.

Играя с Леночкой, Фингал уже дважды разрушил домик из кубиков и трижды слово «Перепёлка». Хозяйка азбуки говорила косматому другу:

— Читай! Ну, что получилось? Пе-ре-пёлка!

Фингал был так неосторожен. Прыгая и ставя лапы куда попало, он рассыпал старательно составленное слово. Но это не ставилось Фингалу в вину. Наоборот, на его голову сейчас сыпались всевозможные милости, как плата за принесённый подарок. Его крепкие белые зубы успели расколоть несколько кусочков сахара. Розовато-красный длинный влажный язык умело собирал сладкие крошки, застрявшие на шерстинках подбородка.

Леночка настойчиво просила показать перепёлку Фингалу. Пёс ничуть не был удивлён, найдя дичь на полу в углу моего кабинета, как прежде находил её в поле. Но я про себя отметил неполевое поведение собаки. В поле она встала бы на стойку, а в комнате лишь чуть-чуть тронула носом птичку, перепёлка подалась вперёд: маленькой много ли надо. Потом она, словно желая поблагодарить за спасение, склонила набок головку, направив один глаз на белого зверя, который вчера подобрал её под телеграфным столбом.

А Фингал, не желая принимать никаких благодарностей на свой счёт, скромно отошёл в сторону.

Перепёлка из всего семейства куриных — самая

маленькая курочка. Она быстро одомашнивалась, любила тихие слова и ласковые человеческие руки, из которых сыпались и катились такие вкусные крупинки.

Леночка нашла приятные, понятные для птички звуки.

Она говорила:

— Тю-тю-тю.

И перепёлка семенила ножками к протянутой руке.

Теперь все три комнаты моей квартиры были в распоряжении общей любимицы. Заботливый уход быстро заживил крылышко. Повязка была снята.

— Она может летать, — утверждала её маленькая покровительница.

И вот доказательство полного выздоровления: во время утреннего чая наша маленькая курочка взлетела на стол, чтобы разведать: нет ли там корму.

Крошки сахара, хлеба и кусочки колбасы ей пришлось не по вкусу. Она по разу клюнула и больше не притронулась к этой еде.

— Переборливая! Капризуля! — сказала Леночка.

С ладони своей покровительницы курочка быстро собирала крошки сыра и потому получила ещё одно прозвище:

— Лакомка!

Посаженная на перекладинку большой буквы «П» — первой буквы слова «Перепёлка», птичка некоторое время сидела спокойно, потом на крылышках спускалась на диван. Спускалась она так легко, что с трудом составленное Леночкино слово не разрушалось и даже буква «П» оставалась на месте.

— Ты у меня умница! А Фингал разрушил бы, — ласково говорила Леночка не в укор своему другу, а лишь затем, чтобы воздать должную хвалу своей курочке.

Фингал — самый первый покровитель подраненной птички — лежал на полу и дремал, зажмурив глаза. Услышав своё имя, он посмотрел в сторону дивана и снова опустил голову на лапы.

А низкое зимнее солнце будто бы и ждало этого самого момента, чтобы направить сквозь стёкла двойных рам на голову лаверака сноп косых лучей. Желтоватые пятна на голове собаки казались теперь золотыми.

Перепёлка относилась ко всем с полным доверием. Лохматый пёс не внушал ей никакого страха. Ей нравилось прогуливаться по широкой спине собаки, как по кряжу. Порой она подолгу сидела на затылке Фингала, становилась на его лапу возле носа — пёс даже и ухом не вёл. Он мертвел, как мертвеют подружейные собаки в момент, когда ветерок неожиданно наносит ароматную волну запахов дичи.

Леночке казалось, что птичка всё старается выразить благодарность своему спасителю. И когда курочка клюнула крошку, приставшую к шерстинкам возле Фингалова носа, крошку, золотистую в столбе солнечной пыли, Леночка воскликнула:

— Перепёлка Фингала поцеловала.

Перепёлка, никуда не отлетая, провела зиму в нагретой квартире. А её сереньких сестёр надвигающиеся холода и бескормица уже в половине сентября заставляли тревожно кричать, табуниться и прохладными ночами постепенно перелетать в сторону тёплых краёв. Во время этих полётов их подстерегало много

опасностей: им встречались сотни электрических и телефонных проводов.

В местах днёвок за ними охотилось большое и малое зверье — волк, лиса, вездесущий хорёк, хитрый горноста́й или быстрая ласка. Подкарауливали их и пернатые хищники — ястребы и совы.

А наша перепёлочка была в тепле и безопасности. Сидя в комнате на полу, она даже дороги не хотела давать ни хозяевам квартиры, ни Фингалу, зная, что через неё осторожно перешагнут или, как это часто делал Фингал, обойдут стороной.

...Зима прошла. Выставили зимние рамы, раскрыли окна. Свежий ветерок с огорода, перебегая из одной комнаты в другую вслед за играющими солнечными лучами, наполнил квартиру запахами весны. Фингал подёргивал носом и задира́л голову к высокому подоконнику. Перепёлка взлетела на стол, стукнула клювом по зелёной полоске на чайном блюдечке и перепрыгнула на подоконник открытого окна. Леночка закричала:

— Перепёлочка может улететь...

Мы с тревогой смотрели на птичку. Как мне помнится, даже Фингал не спускал с неё глаз. Она может вспомнить вольные перелески, гречишные поля за глубокими логами и тю-тю — полетела.

Мы так растерялись, что ни мне, ни дочери и в голову не пришло поманить:

— Тю-тю-тю.

Но вот перепёлка на крылышках, как на сереньких парашютиках, спустилась с подоконника и весело побежала по комнате, часто семена ножками.

— Не улетела!

И на душе стало хорошо, словно нас коснулось

дуновение ветерка — посланника пробуждённой, готовящейся к расцвету природы. А природы-то на огороде было всего столько, что всю её можно в хорошей охапке унести: шиповник да куст сирени. Мне показалось, что Фингал был тоже доволен. Он усиленно помахивал веером своего косматого хвоста, как будто ему дали или должны дать кусочек сахара или ломтик колбасы.

Вот как может радовать или огорчать даже маленькая птичка.

По случаю домашних признаков весны — выставленных рам и открытых окон — Леночка украсила шейку курочки красным бантиком.

Стояли те тёплые дни весны, когда кустарники и деревца начинают одеваться первой прозрачной зеленью. Такая прозрачная и, как пламень, буйная зелень вспыхнула в молодом, совсем недавно разбитом саду Театра оперы и балета.

В сумеречный час, прогуливаясь по дорожкам, мы услышали пение маленьких курочек. Перепёлки нашли в центре большого города зелень, защищённую от ветров высокими домами. Наверно, это были первые минуты их прилёта на родину.

Курочки пели...

— Празднуют своё прибытие на родину, — сказал я.

Лицо ребёнка розовело от волнения.

— О чём поют перепёлки? — спросила Леночка.

— Мы домой! Мы домой! — придумал я.

— Папа, пойдём домой.

Мы уходили, а перепёлки сочно пели одну очень короткую песню.

До самого дома Леночка не проронила ни слова — она была тревожно молчалива.

Вбежав в квартиру, она встретила меня на пороге. В глазах её стояло по одной росинке:

— Она улетела домой. Её позвали подруги: «Мы домой, мы домой!»

Я успокаивал Леночку:

— Наша квартира для неё была тёплым краем.

— А к зиме она опять прилетит к нам? Да? Прилетит?

На секунду задумалась и объявила свой категорический приказ, властное повеление детского сердца:

— Папа, не стреляй курочку с красным бантиком.

Выбежал Фингал и медленным, осторожным шагом, точно боясь кого-то спугнуть, направился мимо нас под одинокий куст сирени.

— Неужели?

Мы видим серенькую птичку, бегущую впереди Фингала... Нет, эта птичка не бежит, а прыгает. А прыгают воробьи. Умный пёс презрительно повернул голову в сторону: мол, экая невидаль, и не пошёл дальше.

— Ошибся!

Все мои друзья охотники, приходя ко мне потолковать о прошлых и завтрашних охотах, должны были отвечать на вопрос:

— Дядя, вы не встречали случайно перепёлочки с красным бантиком?

Глубокий вздох и просьба:

— Дядя, прошу вас, не стреляйте её!

Кажется, это было совсем недавно, когда на месте ныне разрастающегося сада Театра оперы и балета

стояли первые малыши-кустики и тонкие, маленькие, словно игрушки, деревца. Время быстро бежит, а порою — летит, как птица.

И всё же хочется спросить:

— Ребята, может, вы где-нибудь видели маленькую птичку с красным бантиком?

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННИЦ

На попутной трёхтонке в субботу к вечеру мы прибыли на третью ферму опытного хозяйства Института животноводства. Со мною были мои друзья: Коля со своим пятазарядным автоматом и фотографическим аппаратом и хорошо знакомый осенним полям Фингал.

Все люди любят природу и её крылатых и некрылатых обитателей. Работающие в поле девушки, которые никогда охотниками не станут, подолгу заглядываются на тетерева, чернеющего на макушке сучковатой, престарелой берёзы. Бывает, у ног огородницы Наташи, когда она идёт к ручью напиться, зашуршит опавшая пересохшая листва, и увидит девушка, как покатится серый кубарь. Вздрогнув от

неожиданности, она придёт в себя, свистнет, как парень, и весело и радостно крикнет:

— Эй, пошёл, пошёл!

Запрыгают заячьи уши. Куда ему бежать, куда?

И даже стоящий на пригорке перелесок вдруг повеселеет и повторит голос Наташи:

«Пошёл!»

Но сегодня, в один из последних дней осени — в последний бесснежный день в полях нет никого, кроме ветра. Урожай убран, и люди ушли в тепло помещений. Сейчас любые двери гостеприимно раскроются перед охотниками. Мы заночевали в квартире агронома с намерением пораньше встать и, в поисках дичи, пройти вдоль и поперёк логов к городу. Нам рассказывали, что нынешнее недождливое лето дало хороший урожай серых куропаток.

Куропатка несёт двадцать и больше яиц. Во время высиживания на гнездо садятся рядышком курочка и петушок — одной курочке не закрыть такого гнезда. И всё же в дождливое лето часть яиц охлаждается.

Агроном подтвердил сведения о хорошем урожае куропаток. Надо спешить. Вот-вот выпадет снег, и охота с легавой собакой прощай до августа будущего года. Птичьи собаки никогда не видят зимнего поля, охотник никогда не видел стойки на снегу.

Тучи пошли низко, ветер юго-западный. И мы бухнулись в постели в надежде на серенькое утро. В такую погоду запахи хорошо держатся на жнивье. Запахи боятся солнечного утра и суховея. Тогда они испаряются.

Коля лежал на постели рядом со мной. Мне слышно было его сонное дыхание. Фингал, наверно, тоже спал — он залез под нашу кровать, когда свет ещё

не был погашен. В эту ночь я не мог сомкнуть глаз, так всегда случалось со мной перед охотой.

Моё воображение рисовало чудесные картины Фингаловых стоек, я слышал резкие сухие звуки взлёта куропачьих стай и громовые выстрелы.

В томительном ожидании рассвета я три раза вставал с постели и подходил к окну. Рассвет не наступал.

Но вот я стал замечать посветление в окне:

— Пожалуй, пора!

Я спрыгнул с кровати и подбежал к окну:

— Батюшки, светы! Снег!

Не веря глазам, я выбежал во двор:

— Да, снег, почти по колено.

Ветер брякает мёрзлыми ветвями берёзок и свистит бесприютно.

Около забора мелькает что-то белое, трудно различимое на белом снегу.

Я хотел позвать:

— Фингал!..

Но медлил... Может быть, это ветер кружит снег?

Так и метёт, так и метёт... Так и метелит.

Но это действительно был Фингал. Я не заметил, как он вслед за мной выбежал во двор.

Я позвал собаку в дом.

— Будем спать спокойно до полного дня.

Днём тоже буранило, и ветер как будто даже усилился.

Самое благоразумное было — выйти на шоссе, до которого не больше километра, и по накатанной дороге возвратиться домой. Каких-нибудь пару часов, и мы — в городе. Но молодость не скупится на трату сил.

Коля предложил:

— Пойдёмте напрямик, по свежавыпавшему снегу.

Я молчал, раздумывая, какое принять решение. Фингал стоял, опустив хвост, и ждал приказания.

Молодой охотник уговаривал:

— Куропатки никуда не подевались. Где-нибудь спят в снегу. Может, наткнёмся — стрелять будем.

Я ещё колебался и не отвечал.

Но Коля уверенно подбирался к моему сердцу:

— Леночка просила поискать перепёлку с красной завязочкой. Она в тёплые края не знает пути — не летала туда. Ну, прикажите Фингалу отправиться на розыски.

Я взмахнул рукой и сказал Фингалу самое приятное слово:

— Вперёд!

Пёс стал носиться взад и вперёд, и вправо и влево, всё время пересекая линию нашего движения.

Мы возвращались в город через неезженое снежное поле. Сыроватый тяжёлый снег согнул голые ветви берёз и посадил белые пятна на густой зелени боровой сосновой молодки.

Коля рассчитывал наткнуться на заячий след и выследить косога. Поймать на мушку, а то — и в объектив фотоаппарата. Я отгонял от себя малейшую надежду на выстрел. Единственно, чем могли мы себя вознаградить, это хорошей прогулкой.

До города не менее десяти километров. Снег почти по колено, а местность изрезанная, ложистая. И хотя охотники привычны к трудным переходам, сегодня мы останавливались отдыхать особенно часто. Это потому, что глазу было невесело, глазу не на чем задер-

жаться: ни следа — ни птичьего, ни звериного. Переставший идти утром снег снова повалил хлопьями. Они били наискосок под напором расшумевшегося, расходившегося ветра.

Коля брёл по снегу, как по белой воде, в сотне метров от меня. Взобравшись на высокий холм, он любовался логами — их изломанными линиями.

А за ними по белизне поля протянулась тёмная лента шоссе — оно узнавалось по движению машин; за лентой дороги лежал наш город.

Спускаясь с холма, Коля случайно набрёл на заячью лёжку, устроенную в высоком жнивье ржаного поля. Серый, ещё не вылинявший косой чувствовал, что побурелое от непогод жнивье будет ему защитным цветом. Вспугнутый Колей, он побежал вниз под гору. Казалось, кто-то приподнял свежесыбеленный холст за углы, чтобы по нему покатился вниз серый немного продолговатый комок.

Молодой охотник бросился со всех ног в погоню.

Однако условия соревнования были неравные, расстояние между бегущими быстро нарастало.

Косой не попал в объектив.

Коля остановился, поглядел вслед убегающему зайцу и направился ко мне. Потом подал рукой и крикнул:

— Смотрите! Фингал.

Ни мне, да и никому на свете не могла прийти в голову мысль о возможности стойки в зимнюю пору.

Я искал глазами нашего белого товарища и не мог найти.

Коля указал рукою и крикнул так громко против ветра, что я ясно услышал:

— Фингал встал на стойку!

Может быть, за всю историю охоты Фингал первым держал стойку на снегу! Но как держал! Он был похож на изваяние. И только раздуваемые порывистым ветром шерстинки показывали, что это живой пёс, а не скульптура.

— Коля, — говорил я шёпотом, — Коля, наводи аппарат быстрее. Фотографируй! Прошу, щёлкай! Щёлкай на всю плёнку!

Когда фотографирование было закончено, мы приготовились к выстрелам, я скомандовал негромко:

— Вперёд!

Это означало: подай, сгони дичь, пусть вылетает тетерев или куропатка — кто там есть.

Не слушает Фингал, не подаёт.

— Неужели он нас обманул? — усомнился Коля.

— Вперёд! — приказал я твёрдо.

Пёс покачнулся, вытащил одну лапу из снега и так удержал её приподнятой, а вперёд не подался.

Отыскивая подозрительные места, откуда могли бы идти запахи, я заметил под самым носом Фингала два стволика полыни. Возле каждого стволика небольшое отверстие, проделанное его колебанием, покачиванием при ветре, отверстие, достаточное разве только для того, чтобы в него мог шмыгнуть самый молодой мышонок.

Фингал не хотел послушаться и всё же не мог двинуться вперёд. Тонкая влажная кожа кончика его носа заметно подёргивалась. Её колебала струйка запаха, бьющая из-под снега в отверстия возле стволов полыни.

Я начал разрывать ногами снег, и у меня из-под сапог с тревожным чириканьем вылетела пара перепёлок.

Пёс позволил себе единственное движение — это движение зрачков в сторону полёта самых маленьких курочек на свете.

Ветер глушил все голоса, и нашим выстрелам не откликнулось даже слабое эхо. Ни одного малого пёрышка, ни одной лёгкой пушинки не добыли наши дуплеты.

После выстрела Фингал должен был лежать, хотя и не совсем приятно с непривычки растянуться на холодном снегу. Но этого требовали строгие правила поведения. И Фингал лежал. Зарядив ружьё, я скомандовал:

— Фингал, вперёд!

Пёс помчался на новые поиски. И мы побрели. Я повесил ружьё на плечо концами стволов вверх и услышал, как в дульной части моей бескурковки заунывно засвистел ветер.

— Хорошо! — сказал я

И Коля подтвердил:

— Хорошо!

— Ты это о чём, Коля?

— Хорошо, что мы промазали... А вы о чём?

— И я о том же.

Мои размышления были прерваны словами моего молодого товарища.

— Опять стойка! — Коля указал мне на высокие травы, над которыми стоял Фингал.

Какие смышлёные птички! Ещё в первые минуты снегопада перепёлки нашли эти высокие стволы, прижались к ним, как к родным, в надежде, что травы, пошевеливаемые ветром, сделают в снегу отверстия, через которые можно будет дышать. А снежная шуба, накинутая на них, защитит от холода.

И сразу стало веселее и легче идти по снежному целику.

— Такие имеют право на жизнь. Умеют бороться!

Коля разрыл снег вокруг одного стволика, и мы увидели серый комочек. Потом снял кепку, чтобы накрыть затаившуюся птичку. Ветер нещадно трепал его волосы.

— Надень кепку. Простудишься!

Тогда Коля без особой предосторожности взял перепёлку рукой. Точно таким же способом была добыта другая. Тёпленькие серенькие комки! Фингал держал стойку за стойкой. В Колином брезентовом мешке оказалось четырнадцать живых маленьких курочек.

Наша охотничья бригада, состоящая из двух стрелков и одной косматой подружейной собаки, превратилась в экспедицию по спасению погибающих.

Ветер продолжал свистеть в дулах ружей, но теперь этот свист не казался заунывным.

Можно было красиво закончить тяжёлый поход по первому глубокому сырому снегу. И дела всего: найти красную ленточку и сделать бантик вокруг шейки одной из перепёлок. Смотри, Леночка! Сколько у твоей птички подруг! Твоя воспитанница вместе с подругами попала в снежный плен. Фингал их отыскал и спас.

Вы представляете, какие после этого посыпались бы милости на голову Фингала!

Но нет, мы не стали обманывать Леночку.

И вот опять половицы моего кабинета уподобились гречишным и просыным полям, с которых урожай убран. Четырнадцать перепёлок клевали крупинку за

крупинкой и пили воду из чайных блюдец. Птички в один день стали совсем ручными.

Леночка каждую подержала в руках, внимательно обследовала каждую шейку:

— Нет ли следов красного бантика...

Манила:

— Тю-тю-тю...

Ни одна не приходила на зов.

Среди четырнадцати не было той, которая улетела весной.

За окном зима — крыши соседних домов белые, на дворе снег по колена. Вчера ветер свистел в ружейных стволах, а сегодня воев в трубе — приюта ищет, подобно маленьким птичкам.

А на третий день ветер зашёл с другой стороны, с той, откуда зима не ожидала, подул теплом и сдунул с земли белое пуховое, но холодное покрывало. Солнышко просквозило стёкла нашей квартиры не горячими, но всё же ласковыми лучами. Тёплый ветер прогнал зиму обратно. Поторопилась она, не в своё время пришла.

Птички стали поглядывать на окна, и некоторые из них взлетели на подоконники. Двойные рамы закрывали им путь.

Коля пришёл посмотреть на птичек и принять участие в обсуждении их дальнейшей судьбы.

В моём кабинете собрались все участники «совещания»: Леночка, Коля и я. Фингал тоже присутствовал. Пёс сидел, распушив по полу хвост и поглядывая на птичек, которые после сытного обеда пили воду из чайных блюдец.

Мы боялись, что Леночка предложит всех перепёлок оставить до весны в нашей квартире.

Но она любила их по-настоящему.

— Коля, — начала она, — скажите, пожалуйста, птички не попадут под снег, если мы их выпустим отсюда?

Серьёзность вопроса Фингал подтвердил ударом хвоста, и за это она правой ручонкой обвила шею друга и потрогала длинное лохматое ухо.

Коля ответил:

— Они улетят.

— Куда? Той дорогой, куда ушли весна и лето?

— Да, туда...

— А к нам они ещё прилетят?

— В мае, — заявил Коля. — Перепёлки прилетят к нам вслед за весной...

Наше совещание постановило: освободить птичек. Против не было ни одного голоса.

Коля принёс со станции юных натуралистов четырнадцать алюминиевых колечек. На каждом из них стоял номер и слово «Москва». Колечки легко наделись на птичьи ножки.

После того, как номера были записаны в тетрадку,

мы вынесли на огород наших крылатых гостей и отпустили.

Птички разлетелись в разные стороны. Две опустились в заросли конопли около забора. А вечером на солнечном заходе началась перекличка. Она длилась недолго. Птички знали путь к югу. Их бойкие крылышки уверенно дробили тьму осеннего вечера.

Пройдёт длинная снежная зима. Прилетит на родину весна, а за нею и перепёлки возвратятся в те поля, где они родились.

Там птички и совьют себе гнёздышки.

КУРОПАТКА

Осенью увядшую траву и опавшую листву дождями прибило к земле. Снегопад дважды белил колхозные поля. Южный ветер тоже дважды своей тёплой волной смывал побелку. И поля стояли серые.

Серые куропатки любят бесснежные поля, — они серых птиц делают невидимыми. И потому осенью птицы подпускают собаку на близкую стойку. А это означает — Фингал их почует, тихонечко подвинется и, остановившись, замрёт, указывая направление носом, словно говорит мне:

— Хотя я и не вижу их, но чувствую, вот они сидят, пахнет куропатками.

В такое время эти неперелётные полевые курочки и охотника подпускают на близкий выстрел. Птицы думают — их, серых, охотник не увидит. А ему и ви-

деть не надо. Когда собака подведёт совсем близко, табунок взлетит; тогда — стреляй, охотник!

И вот, в начале ноября, когда второй раз согнало снег и поля сделались серыми, я спросил Фингала, потрогав ружьё, висевшее над кроватью:

— Не сходить ли нам на охоту на серых куропаток?

Фингал радостно трижды пробасил: «Ав, ав, ав», и взглядом, горевшим от нетерпения, позвал:

— Пойдём скорее. Ах, я так хочу на охоту.

На поясе патронташ, полностью набитый патронами, за плечами на ремне ружьё, на боку сетка для дичи. Впереди бежит Фингал и громким лаем докладывает всей улице о важном большом деле:

— Мы идём на охоту.

Встречные улыбаются. Даже незнакомые останавливаются, разговаривают и провожают дружественными взглядами.

Народ любит охотников.

В поле Фингал быстро нашёл табунок куропаток, привёл меня и показал:

— Вот они, на жнивье. Сейчас полетят.

Куропатки были напуганы выстрелами охотников. Взлетели далеко. Я выстрелил. Одна птица снизилась, опустилась на землю и побежала.

Не знаю, как у других охотников, но у меня всегда сочувственно билось сердце, когда я видел подраненную птицу.

Удивительная собака — Фингал... Раненую птицу несёт, не помяв ни одного пёрышка. Чтобы не причинить боли, берёт её осторожно, тихо, как санитары берут раненого на поле боя. Фингал остановился у моих ног. Взгляд и движения его говорили:

— Возьми осторожно. Ей больно.

Дома было установлено, что дробинка тронула маховое перо. Нашли кровинку и на косточке, на крыле.

За раненой ухаживала Леночка. Фингал неизменно присутствовал при лечении и кормлении, как будто проверял: всё ли делается по правилам...

И когда ранка покрывалась порошком стрептоцида и крылышко забинтовывалось, сидевший на полу Фингал удовлетворённо ударял хвостом:

— Правильно.

Куропатка из столовой ходила в кухню. За куропаткой следовала Леночка, за Леночкой по пятам шёл Фингал.

Около печки на полу наша новая крылатая жилица находила свою еду — гречневую крупу. Гречиха — самое лакомое блюдо куропаток.

Фингал стоял поодаль и по-хозяйски наблюдал:

— Ты, наверно, думала: тебя тут съедят. А вот видишь — к хорошему народу попала.

А курочка набила зобик, напилась и принялась стучать клювом в стенку, словно просит открыть дверь. Она стучит, и со стенки сыплется крошки извести. Курочка их подбирает. Птицам для здоровья постоянно требуется известь.

Когда все утренние заботы о куропатке заканчивались, Леночка говорила:

— Фингал, гулять!

Её друг немедленно отзывался. Ударом двух передних лап с разбегу он открывал тяжёлую дверь. Выбегал на двор и весело лаял, готовый на всё, хоть в огонь и в воду.

Так хорошо на дворе. Здесь качалось несколько

оголѣнных кустов сирени, редкою листвою шелестел шиповник. Эти деревца напоминали Фингалу раздетые берѣзовые рощицы среди полей. И Фингал носился по двору, стрелой летел на зов Леночки. И ветер, врывающийся во двор, расчѣсывал его белые косматые бока.

За шиповником — крыльцо соседнего дома. У крыльца домашние голуби подбирали с земли зѣрна. Кормила девочка Леночкиного возраста, Ниной её звали. К голубям присоединились белые куры и белый петух. Куры с голубями не ссорились из-за зѣрен.

Неожиданно голуби взлетели — кто-то напугал их. Вот кто. Большой чѣрный кот подкрался и схватил одного голубя за кончик крыла. Голубь упирался, кот тащил его к сараю, и крыло голубя стало широким, растянулось на все перья, как гармонь растягивается на все свои ряды. На защиту самой мирной птицы выступил петух. Он подпрыгивал, как это делал в драке с другим петухом, и норовил клювом ударить злого чѣрного разбойника. Кот горбатился, иногда уклонялся от удара, но иногда здорово ему попадало. И всё же он не выпускал из своих зубов крыло несчастной птицы.

Всѣ это произошло так быстро и так неожиданно, что Нина и Леночка — обе в белых капорах и таких же белых козьих дошках — растерялись, застыли, как вылепленные из мягкого талого снега фигурки.

Добрые глаза голубя, обведѣнные красными ободками, просили о помощи. Девочки очнулись. Леночка беспокойно глядела по сторонам. Она искала Фингала. Пѣс был занят своим любимым делом — он носился по двору, как будто в зубах у него была не палка, а ценная добыча.

Петух так угрожающе кричал, что я бросил на бумагу ручку и прильнул к стеклу, чтобы посмотреть, что делается за окном.

Леночка махнула рукой и, наверно, позвала: «Фингал!»

Пёс в несколько прыжков был на месте происшествия и сразу определил свою позицию. Бросил палку себе под ноги, видно она ему мешала, и недолго думая с одного прыжка так ткнул носом чёрного неприятеля, что тот разжал зубы и удрал, унося на своём носу одну прилипшую голубиную пушинку.

Я вышел во двор и последовал примеру Леночки— ласково провёл рукой по спине Фингала. А ему есть не давай, но скажи доброе слово.

Петух не понимает ласковых слов. Он гордый. Он несколько раз победоносно пропел. Может быть, он пел о благородном поступке Фингала, может быть, о своих геройских подвигах.

А голубь взлетел, расправляя помятые перья. Своей родне и друзьям он наохаёт, наворкует о страшном происшествии.

На второй день я услышал такой разговор между дочкой и мамой.

Леночка спросила:

— Почему Фингал называется птичной собакой?

— Потому что с Фингалом охотятся только на птицу. Он относится к породе птичных собак.

— А собаки, с которыми охотятся на зверя, называются зверскими, да?

Этот вопрос озадачил маму. Пришлось позвать меня. Я разъяснил:

— Собаки, которые гоняют лису и зайца, называются гончими. На медведя охотятся с лайкой.

Но Леночка думала не об этом.

— Фингал птичной собакой называется потому, что любит птиц. Он спас перепёлку с красным бантиком, вырыл из снега ещё четырнадцать перепёлок, защитил голубя.

Мы не возражали.

И Леночка заключила:

— Вот почему Фингал — птичная собака.

Все курочки быстро привыкают к рукам. Как в поле к роднику, наша жилица бежала к чайному блюдечку. Опускала в него коротенький клюв и поднимала кверху, чтобы струйки воды могли пролиться по горлышку. Раны совсем зажили. Курочка останавливалась посреди комнаты, вытягивала шею и сама как-то вытягивалась, поднимаясь на цыпочки. Стоя на месте, одновременными взмахами двух свистящих крыльев она рассекала воздух, как будто хотела сказать:

— Смотрите, я полечу.

Но куда полетишь? Крылом стены не пролотишь.

Однажды, за утренним чаем, Леночка поманила:

— Тю-тю-тю!

И куропатка взлетела на стол, клюв её нашёл плавленый сыр в протянутой руке Леночки.

Если куропатки долго не было слышно, Леночка спрашивала:

— Фингал, где наша курочка?

И пёс отправлялся на розыски.

Мы сидели в столовой, когда Фингал, посланный на розыски, поднял страшный переполох в моём кабинете. Раздался такой лай, что хоть затыкай уши и беги из дому. Мы с Леночкой первыми прибежали на голос тревоги. И вот картина: куропатка сидит на

подоконнике и смотрит сквозь стёкла на двор. За окном, тоже на подоконнике — сгорбившийся чёрный кот. Глаза его даже днём светятся, зрачки превратились в чёрные восклицательные знаки. Так ему хотелось сцапать нашу курочку. А Фингал горел нетерпением потрепать чёрный кошачий полушубок. Однако пёс не мог сообразить, что надо выбежать на двор и загнать на крышу чёрного зверя. Он забыл о том, что своими лохматыми могучими лапами умеет открывать наружную дверь. Леночка ему напомнила.

— Фингал! — и указала на порог.

Пёс вылетел из дома. Вдоль окон пронёсся его громовой лай. После этого мы нигде не видели чёрного кота — ни на заборе, ни на крыше. Как сквозь землю провалился.

Леночка гибкими ручонками обхватила шею своего возвратившегося любимца:

— Фингал, ты настоящая птичная собака!

Наконец осень уступила место зиме. Порезали лёд стальные коньки. Побегали резвые лыжи. Потрещали морозы и попели вьюги. Прошла зима — зазвенели ручьи. Зима уступила место весне. Солнце поднималось высоко и посылало к нам сквозь двойные стёкла горячие лучи.

Наша птичка беспокойно ходила по комнатам, вытягивала шейку, подёргивала головкой и звала кого-то. У серых куропаток по внешнему виду невозможно отличить курочку от петушка. И только весной мы поняли, что у нас жил куропат. Он запел, затосковал, затоковал:

— Чи-чу-у! Чи-чу-у!

Мы подумали-подумали и решили подарить его зоопарку — там жила стая серых куропаток. Домаш-

ние куры готовы заклевать не свою, а у куропаток незлобивый характер. Зимой много табунков объединяются в один большой табун. Куропатки никогда не обижают друг дружку.

Переселением нашего серенького петушка на новую квартиру занялась Леночка с мамой. На шейке куропата появилась красная завязочка. На дорогу он поклевал гречишных крупинок и попил из блюдечка с зелёной каёмкой. Фингал предчувствовал расставание. Он лежал на полу и поминутно перекидывал голову с одной лапы на другую. В зоопарк собакам ходить не положено. Леночка поднесла петушка к носу Фингала и сказала:

— Прощайся.

Пёс приподнял голову и несколько раз нюхнул воздух. А когда Леночка с петушком скрылась за дверью, Фингал пришёл в мой кабинет и, чтобы удобнее было смотреть в окно, поставил лапы на подоконник. Проходя мимо, Леночка протянула птицу к окну:

— Фингал, пожелай счастливого пути.

Пёс в этот день не притронулся к еде.

Серенькие обитатели зоопарка без единого возражения приняли в свою семью куропата с красной завязочкой.

Леночке было тоже нелегко расставаться со своим питомцем. Она протянула свою ручку сквозь проводочные сплетенья вольеры и поманила:

— Тю-тю-тю.

«Красная завязочка» отделилась от стаи, подошла к сетке и потрогала ладонь своим клювом.

Мама заметила:

— Это петушок крупки просил.

Леночка думала иначе:

— Это он говорит мне «до свиданья».

Пришла новая весна. Время от весны до весны равняется году — большой срок.

В одно из весенних воскресений Леночка погладила преданного ей Фингала:

— Передавай привет. Мы с мамой пойдём петушка проведать.

Пёс два раза весело взмахнул пушистым хвостом.

— Всё понял! — решила девочка.

Зоопарк. Вольера с куропатками. Детское любящее сердце радостно забилося. Но беспокойный взгляд напрасно искал красную завязочку. Мама утешила:

— Красная завязочка могла износиться, как износилось твоё синенькое платьице.

И мама посоветовала:

— Ты помани...

Протянулась в отверстие проволочной вольеры детская ручонка, и послышалось:

— Тю-тю-тю.

Одна птица немедленно отделилась от стаи, пришла и долго глядела на ладонь. Леночка тайком от мамы смахнула рукавом со своих глаз две мокрые горошины. Так радостно было встретиться со своим воспитанником.

Это был петушок.

УТРО НА ОЗЕРЕ

Весна летела за весной, а Леночка оставалась такой же выдумщицей. Мы часто ездим с ней на рыбалку с ночевой. Вот и сегодня мы переночевали под укрытием берёзовой рощицы.

Наш костёр почти потух. Время идти. Чтобы не случилось пожара, затоптали красные точки на чёрных головешках. И пошли.

Час был очень ранний. Пчёлка ещё не летала с цветка на цветок, сопровождая свой труд пением тонким, как звучание струны. Кузнечики ещё не принялись за своё ремесло — не ковали в траве. И где-то за краем луга, за перелеском, ещё отдыхало солнышко.

Я хотел провести Леночку к озеру самым коротким путём. Мы напрямик пересекли луг и подошли к лодке.

Там, где мы прошли, роса не блестела — мы сбили капельки её с травинок, и позади нас осталась проложенная тёмная тропа.

— Вода! — сказала Леночка и попросила у меня кружку.

Она хотела зачерпнуть озёрной воды и напиться. Но раздумала, подойдя к озеру. Поставила кружку в лодку. И, глядя в воду, одной рукой сняла белый беретик, а другой начала поправлять заплетённые косички. Днём её косички были русыми. А сейчас, словно обрызганные росой, потемнели. Она поправила платье-матроску. Белые полосы на тёмном воротнике чётко отразились в воде.

Она забыла, что хотела напиться. Воды не было, перед глазами было зеркало, в котором виднелся берег, широкие тальниковые кусты и она с беретом в руке.

Наше двухвесельное судно сильное: оно скользит по глади озера игриво, несёт нас легко. Слева от лодки, на воде, переливается серебром отражение Млечного Пути.

Позади лодки остаётся на озере голубая с лазурными обочинами дорога — наш след.

Эти краски запомнила Леночка. Она любила раскрашивать картинки. Дома она нарисует и раскрасит нашу озёрную дорогу.

Вода морщится и дрожит.

Мы не хотим будить ещё не проснувшееся озеро, и вёсла чуть-чуть пошевеливают воду.

Но кто-то встал раньше нас.

От тёмного берега кланяются навстречу нам редкие камыши. Я вспомнил: камышины стоят на пути ручья, вытекающего из озера. Это текущая вода заставляет их кланяться.

К нашей лодке приближается водяной круг, за ним второй, третий, ещё и ещё. Кто пускает круги в такой ранний час? Ага! Вот оно, серое семейство, выплывает.

Это оно пустило круги по воде.

Мамаша начала полоскать крылья, как бельё полощут, полетела вперёд потихоньку и закричала:

— Кря! Кря! Кря!

Крик тревожный. Это — властное приказание быстрее прятаться.

Леночке знаком этот крик. У нас на дворе живёт охотничья подсадная утка. И Леночка, приложив палец к губам, шепчет:

— Утки! Утки! Утки!

Беспокойные, как мышата, птенцы сбились в кучу, пищат.

Куда им деться?

Наконец малыши сговорились — нырнули разом, как по команде.

На воде нет ни одного. Только морщины, да трепет зыбких камышинок.

Моя спутница шепнула тревожно:

— Потонули?

Я успокоил:

— Живут. Спрятались. Где-нибудь сидят в воде, под лопухами, зацепившись носиком за травинку.

И теперь уже без тревоги новый вопрос:

— Утки тоже пробуждаются раньше солнышка?

— Когда мы спим и солнышко спит, утки купаются, моют и полощут свои пёрышки, играют в прятки — ныряют и, конечно, кушают.

Леночка хотела, чтобы поскорее показалось солнце. Она сказала, глядя на зарю:

— Засоня!

— Кто?

— Солнышко.

— Оно спит, а нам светло, — говорю я в защиту ещё не проснувшегося светила.

— Потому что оно недалеко от нас спит, вон за тем лугом. У солнышка ещё горит костёр, видишь — вон там розовеет, а наш — потух. Мы раньше встали.

Лодка плыла по направлению к сети, поставленной вчера вечером.

— Лодка идёт прямо к сети, — сказал я.

— Она помнит место, куда ходила вчера, — поддерживает разговор моя маленькая собеседница.

Даже неживые предметы она наделяет человеческими свойствами.

— Она идёт неслышными шагами.

— Кто она? — недоумеваю я.

— Лодка.

— Лодка плывёт, — поправляю я.

Леночка настаивает:

— Ты сам сказал: «Лодка идёт прямо к сети». У неё ноги — вёсла. Она идёт.

За разговорами мы не заметили, как лодка «дошла» до сети.

Перед нами, начиная от берега, метров на два-

дцать в длину белели поплавки из берёсты. Они держали одну сторону сети на поверхности.

В конце сети поплавки собрались в кучу.

— Кто-то плыл тут раньше нас...

— Плыл? — спрашивает Леночка.

— Да, плыл. Видишь, конец сети спутан.

— Рыба. Это она плыла.

Я втягиваю конец в лодку и чувствую, что тащу тяжёлое и живое, кто-то дёргает сеть. Я приподнял эту тяжесть и, когда она упала в лодку, увидел две большие рыбины. Так вот кто спутал конец сети.

— Лини!

— Золотистые? Да?

Я взял одного и другого, и, когда повернулся и протянул руки, чтобы показать рыб, лучи восходящего солнца уже скользили по рукам.

— Золотистые! Золотистые! — воскликнула Леночка.

Кроме линей, в сеть попали пять карасей золотистых и три серебристых.

— Тех раскрашивало солнце, а этих луна, — придумала Леночка.

Солнышко отчаливает от одного края небесного моря и плывёт к его середине. Кудрявые июльские облака глядятся в наше озеро. Мы идём на вёслах бесшумно и колеблем, точнее — чуть-чуть пошевеливаем отражённые облака.

Из-под широкого листа лопуха появился утёнок и поплыл впереди нас. Его неширокая грудь слабо разрезала воду.

Наша лодка следовала по пятам, однако недолго. И хотя он не больше недели живёт на свете, нырнул так ловко, словно много лет учился этому делу.

Он нырнул в чистую воду, на глубоком месте, где не было ни одного лопуха, ни одной травинки и только в далёкой-далёкой глубине виднелось отражённое облако.

Я удивился:

— Куда подевался? Странно. Ему не за что зацепиться под водой. Чисто. Ни травинки.

Лодка не двигалась. Леночка долго смотрела в воду, словно хотела обыскать глазами всю глубину, но утёнка нигде не было видно!

— Он заплыл за облако. Когда солнце заплывёт за облако, оно не золотится, мы его не видим.

Я попытался разъяснить:

— Там тоже держаться надо.

— Он возьмёт в клюв края облака и будет держаться.

— Но облако — лишь отражение.

— Он возьмёт в клюв край отражения и будет держаться. Он такой физкультурник, — сказала Леночка и два раза с явным лукавством заглянула в мои глаза.

— А если наш физкультурник оборвётся, то куда он упадёт?

— Не оборвётся. Физкультурники ловко держатся.

— Ну, а если край облака, край отражения, оторвётся?

— Нет.

— Ну, а если? — ставлю я настойчивый вопрос.

— Тогда утёнок упадёт по ту сторону, за облако, за отражение, вниз. Скажи, кто-нибудь падал вверх?

За разговором текли, как весенние ручейки, быстрые минуты.

Солнышко уже проплыло по небесному морю не меньше, чем наша лодка по озеру от того места, где стояла сеть. Камышины по-прежнему чуть-чуть кланялись. Неслышный и невидимый ветерок повернул нос нашей лодки.

Мы снова лицом к сети. Над нашей сетью что-то плескалось, мы видели, как ныряли и снова выпрыгивали поплавки.

— Большая рыба, — слышится вкрадчивый шёпот.

И я в ответ тоже почему-то шёпотом говорю:

— Большая. Наверно, щука.

Я нажал на вёсла.

— Тише, тише, не плескайся очень.

Я рассмеялся:

— Щука не птица — не улетит.

Подплыли.

Поплавки ходуном заходили.

Опять шёпот:

— Большущая!

И вот предполагаемая щука вынырнула вместе с поплавками:

— Крылатая!

— Утка! — кричит Леночка, считая больше ненужными никакие предосторожности.

Всё объяснилось: крупный утёнок раннего выводка, ныряя, попал в верхнюю часть сети — около поплавков и потому так легко волновал снасть. Я хотел освободить утёнка, взять его, как берут рыбу из чулка режевой сети. Ничего не вышло. Он слишком запутался, продевшись в ячеи шеей и перепончатыми ногами.

Попытка порвать нити окончилась неудачей. Сеть новая, крепкая. Разрезал бы. Ножа не было.

— Зубами! Зубами! — звучит приказ ребёнка.

Особенно неудобно было перекусывать нитку на шее и на клюве. Костяной холодный носик дотрагивался до моего лица.

— О чём он думал сейчас?

— Он думал, что его скушают, — ответил я. — Лиса, хорь или колонок — только попадись им, непременно скушают.

Я разорвал нити и освободил пленника. Погода стояла чудесная. Мы сделали замечательную прогулку по небольшому, но волшебному озеру, в котором поместилась, отразившись, синь всего неба с его солнцем и облаками. А маленький широконосый житель озера — утёнок — был такой доверчивый, что мы решили дать ему полную свободу. Я пре-

доставил ему место на дне лодки у моих ног и сказал:

— Хочешь, живи с нами, хочешь — с камышами.

Утёнок стоял, как бы раздумывая, с кем жить. И, наверно, хотел сказать:

«Видно, вы не плохие существа!»

— Он будет помнить добро, — прошептала Леночка.

«В самом деле, сидит, как домашний», — думал я. Утёнок ловко прыгнул на борт и уселся на нём.

— Ловкач! — слышалась похвала.

Лодка бежит и бежит. А он сидит на борту и смотрит вниз, то на один, то на другой бок склонит голову, быть может, тоже отражениями облаков любитесь. Водичка близко-близко. Клюв чуть-чуть недостаёт...

Наконец утёнок спустился в воду.

— Пить захотел. — Слова были сказаны тихо, чтобы не испугать.

Лодка услужливо приостановилась:

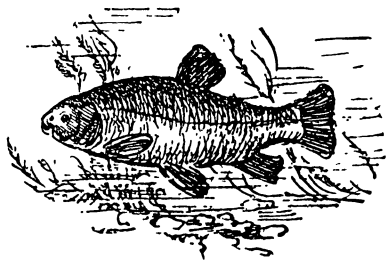
— Пусть напьётся. Подождём.

И он в самом деле опустил клюв в воду и потом поднял его кверху. Леночка вспомнила, что и она хотела пить. Я зачерпнул для неё кружку зеркальной воды. Напившись, утёнок начал делать медленные полуобороты, чтобы посмотреть на нас то правым, то левым глазом. Мол, забавные существа.

Утки любят поплавать. И наш утёнок проплыл секунду и — был и нет — нырнул.

Леночка хотела выплеснуть в озеро недопитую воду, но, подумав, как бы не испугать нырнувшего утёнка, осторожно поставила кружку на дно лодки.

Мы ждали долго-долго.
Леночка наконец сказала:
— Он где-нибудь далеко, где нет сетей...
Я взялся за вёсла, и лодка тронулась, чуть-чуть
морщина безмятежное озеро.

СОДЕРЖАНИЕ

Тогда шумела листва	3
Перепёлка	22
Освобождение пленниц	32
Куропатка	43
Утро на озере	53

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Алексеев Никандр Алексеевич

ПЕРЕПЁЛКА

Рассказы

Ответственный редактор
С. Е. Миримский
Художественный редактор
М. Д. Суховецова
Технический редактор
И. Г. Найденова

Корректоры
Т. П. Лейзерович и *В. К. Мирингоф*.

Сдано в набор 27/II 1958 г. Подписано к печати 16/IV 1958 г. Формат 60×92¹/₁₆—4 печ. л.— (2,47 уч.-изд. л.). Тираж 500 000 экз. Цена 85 коп. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 216.

Цена 85 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В библиотеке «Книга за книгой»
для детей младшего школьного возраста
в 1958 году издаются:

— * * * —

- Поди туда — не знаю куда. Русские народные сказки*
Голстой Л. — Былины
Пушкин А. — Сказка о попе и о работнике его Балде
Жуковский В. — Кот в сапогах. Спящая царевна
Никитин И. — Стихотворения
Редин Е. — Царевна-лягушка. Русская сказка
Авдотья Рязаночка. Былины в пересказе Б. Шергина
Гайдар А. — Р.В.С.
Георгиевская С. — Солдатский ножик
Лоскутов М. — Рассказ о говорящей собаке
Нагибин Ю. — На озере Великом
Бременер М. — Лёшкина переэкзаменовка
Авдеев В. — Крылатый связист
Алексеев Н. — Перепёлка
Дик И. — Золотая рыбка
Незлобин Н. — Кругосветная сумка
Заходер Б. — На задней парте

Эти книги можно приобрести в магазинах Книготорга.